

УДК 316.422:304.42

Астафьева О. Н.

Флиер А. Я.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Предложен концептуальный подход к пониманию стратегии культурной политики в условиях современного этапа глобализации и модернизационных изменений. Основное внимание уделяется теоретическому осмыслению социокультурного процесса и проблеме согласования темпоральности вектора на модернизацию и инновационные преобразования в обществе с российской ментальностью и ритмами культуры. Ставится вопрос о необходимости создания новой культурной среды социального функционирования общества как системы и его обеспечения адекватными нормативами социальных практик и культурных порядков.

В статье представлено расширенное понимание культурной политики и ее целей. Среди основных называются: обеспечение актуальных социокультурных интересов и запросов общества и реализация государственных интересов в социокультурной сфере; регулирование социального поведения людей средствами культуры; развитие идеологии коллективного существования в социально конструктивном направлении.

Формирование новой культурной среды авторы связывают с определенными ценностными доминантами и иерархиями. Система коммуникаций призвана поддерживать концептуальное единство модернизационной стратегии с ее ориентацией на кардинальное обновление культурной среды и на укрепление человеческого капитала. «Встраивание» идей модернизации в стратегию культурной политики основывается на принципах социальной справедливости и политической стабильности, сбалансированных с целями рыночной экономики. На практике формирование новой культурной среды фактически означает смену приоритетов в направлениях культурной жизни страны.

В контексте идей модернизации в статье ставятся вопросы о создании рынка культурной индустрии, о поддержке деятельности научных и экспертных сообществ, критиков, профессионалов, способных диагностировать состояние культурной среды и влиять на ее качество. Понимание значимости культурной политики для будущего страны, по мнению авторов, позволит рассматривать модернизацию не как помеху в сохранении духовности и традиций культуры, а как стимул к обновлению и наращиванию культурно-цивилизационного потенциала страны.

Ключевые слова: культура, культурная политика, модернизация, глобализация, социокультурное развитие, культурная среда.

Преобразование конфигурации социокультурного ландшафта современной России обусловлено множеством внешних и внутренних факторов, влияющих на процессы развития. Два из них с разной периодичностью и интенсивностью выходят на первый план, определяя векторы и корректируя стратегии культурной политики. Речь идет о взаимосвязанных и зачастую пересекающихся, но при этом разномасштабных явлениях – глобализации и модернизации, которыми задаются новые условия и параметры жизни и деятельности людей. Все это находит отражение не только в исследовательских ракурсах и теоретических разработках по этой проблематике, но и в большей степени предопределяет поиски методологических оснований для разработки новых программ и проектов в социокультурной сфере, для принятия эффективных управленческих решений, отвечающих *стратегии развития*, сменившей *охранительные приоритеты* предыдущего века.

Идеями культуры как самоценности, как ресурса общественного развития пронизаны политические дискурсы и риторика публичной политики разных стран; разным практикам использования творческого потенциала культуры в различных секторах экономической деятельности посвящено множество научных исследований. Становясь одной из центральных, парадигма социокультурной динамики как *устойчивого развития* постоянно корректируется под давлением глобализационных экономических кризисов, экологических катастроф и транснациональных процессов, сказываясь на нестабильности конфигураций социокультурных ландшафтов многих государств. К переосмыслению роли и функции культурной политики в XXI в. национальные государства подталкивают серьезные социокультурные трансформации, происходящие в рамках интенсивных миграционных потоков. Они приводят в движение некогда устойчивые этнокультурные ареалы, усиливают социальную напряженность и разрушают складывающиеся веками культурные среды. Стоит упомянуть и демографические проблемы, способные поколебать ценностную иерархию и традиционные устои мощнейших конгломераций.

Наш авторитетнейший философ В. М. Межуев считает, что глобализация в контексте модернизационных изменений, которые нацелены на повышение культурно-цивилизационного

уровня при сохранении национальной независимости, выглядит для многих стран безальтернативным проектом, предлагающим «обменять свой национальный суверенитет на право вхождения» в мировую экономическую систему, «на право считаться современной страной» [1]. При такой трактовке глобализации мир ожидает скорее всего один сценарий – утрата многоликости и разнородности, стирание своеобразия культур и унификация социокультурной среды. О нашем понимании сложности глобализации и о возможности мирового развития по разным сценариям мы высказывались ранее не столь пессимистично [2]. Принципиальным в контексте заявленной проблемы представляется другое: признание экспертами, в том числе и Межуевым, невозможности ориентироваться на модель, которая по всем прогнозам дает отрицательный экологический, социальный и культурный эффект. И мы солидарны с философом, подчеркивающим важность разработки такой стратегии, которая бы примиряла с ней общественное мнение большинства стран, позволяя каждой выйти в глобальном мире на достойное место [3]. Такой сценарий глобализации определяется нами как глобализационное развитие не «по модели экономики», а «по модели культуры».

Как же сосуществуют глобализация и модернизация в российском социуме и находит ли этот постоянно эволюционирующий контекст свое отражение в стратегиях социокультурной политики страны?

Этот проблемно и широко поставленный вопрос будет в большей мере нашей исследовательской программой на ближайшее время, чем решаемой задачей для данной статьи. Здесь мы сосредоточим свое внимание только на некоторых базовых точках, без которых сложно понять возможности реализации культурной политики в условиях социокультурной модернизации, протекающей сегодня наряду с глобализационным процессом в общем пространственно-временном континууме большинства постиндустриальных обществ.

Следует напомнить, что в конце XX в. на какое-то время дискурс модернизации был почти полностью вытеснен из социально-гуманитарных исследований глобализационной проблематикой, но в последнее десятилетие он вновь отчетливо проявился. Причем понятие «модернизации» стало ускоренно обрастать уточняющими смысловыми толкованиями и контекстовыми коннотациями, явно произрастающими из российских реалий. И это является, на наш взгляд, далеко не бесполезной попыткой раскрыть многозначность и сложность модернизации как явления нового этапа развития и переосмыслить закрепленное за этим феноменом понимание в общественных науках [4]. В ряде публикаций модернизация трактуется как длительный процесс перехода посредством проведения реформ и инноваций к развитому постиндустриальному обществу в контексте макроисторической динамики [5]. Хотя наиболее распространено понимание модернизации как социально-экономического «подтягивания» развивающихся обществ к уровню стран, уже находящихся в процессе преобразования в постиндустриальные (информационные) общественные организмы. Это так называемая «догоняющая модернизация». Однако этот тип модернизации был характерен в большей степени

для второй половины XX в. и, надо признать, на определенном этапе сыграл свою позитивную роль в решении не только экономических задач, но и социокультурного обновления [6].

Таким образом, на опыте стран, достигших существенных успехов на пути такой модернизации, стало очевидно, что средствами одних только экономических, политических и инфраструктурных преобразований всеобъемлющую модернизацию осуществить невозможно. Не менее значимую (если не основную) роль играет именно социокультурное обновление всей общественной системы стран, вступивших на путь модернизации. Это выражается прежде всего в трансформации структуры соотношения модальностей публичной и приватной жизни и выстраивания новой ценностной иерархии составляющих их компонент.

Современная модернизированная экономика не в состоянии конструктивно функционировать в условиях архаической социокультурной системы, в отсутствие политических и социальных свобод населения, при практикуемых обычаях, сдерживающих предпринимательскую инициативу граждан, в ситуации доминирования традиционных ценностей в культуре повседневности, при избыточном социальном контроле общества над личностью и пр. [7] Для эффективной социально-экономической модернизации все эти сдерживающие установки требуется не только юридически отменить, но и преодолеть культурно, ограничить в общественном сознании, локализовать архаические традиции в каких-то специальных резервациях общественной практики (например, в сфере домашней приватной жизни, как это имеет место в Японии и некоторых иных восточных обществах).

Сложность и неоднозначность социокультурных изменений, происходящих в разные культурно-исторические периоды, в разных странах и с разной степенью интенсивности, а главное – с разными результатами, позволяет нам считать, что любые попытки представить современный этап модернизации России в рамках какой-либо одной «жесткой» модели не охватывает суть изменений в том варианте, который осуществляется в России.

Что следует из постановки в культурологическом ракурсе вопроса об ограниченности модернизации, сводимой лишь к экономическим преобразованиям, и какие стратегические задачи актуализируются в этой связи? Если сформулировать их предельно кратко, то речь идет о *необходимости создания новой культурной среды социального функционирования общества как системы, которая сможет обеспечить и поддержать такое функционирование адекватными нормативами социальных практик и культурных порядков.*

Для осуществления подобной программы социокультурной модернизации нужно с большей или меньшей ясностью ответить на два других вопроса: *какую культурную среду необходимо создать и какие ресурсы могут способствовать решению этой задачи в ближайшие десятилетия?*

Ответ на первый вопрос лежит в сфере общей национально-государственной идеологии, которая доминирует в стране, претендующей на модернизацию. Политическая власть и элита должны определиться: на какие ограничения исторической культурной традиции они готовы пойти ради ускорения социального и экономического развития; сколь решительно они готовы преодолевать консервативно-патерналистские ожидания, свойственные зависимым от государственного патронажа социальным аутсайдерам (пока еще составляющим электоральное большинство); какую степень свободы политического, социального и культурного самовыражения людей власть готова допустить и т. п.

С этой позиции проблема согласования направлений социально-экономического развития и социокультурной динамики должна трактоваться, прежде всего, как проблема *согласования темпоральности* вектора на модернизацию и инновационное общественное развитие с российской ментальностью и ритмами культуры.

Известно, что реализация модернизационных стратегий посредством таких механизмов, как интеграция в мировую систему хозяйствования, развитие экономической и научно-технической системы, информационно-коммуникативных технологий, внедрение новых образовательных практик и пр., порождает серьезные социально-культурные трансформации. Отечественный и зарубежный опыт модернизации свидетельствует о том, что при отсутствии баланса *модернизации/архаизации* на разных этапах преобразований социокультурные изменения влекут за собой обострение проблем, связанных с *несоответствием жизненного уровня населения и общественной морали идеям смены социально-экономического и культурно-исторического типа развития*.

Ответ на второй вопрос лежит в сфере культурной политики.

Сначала договоримся о принципах понимания культуры и культурной политики. В контексте обсуждаемой проблемы наиболее приемлемой нам представляется трактовка *культуры* как особой программы социального поведения, взаимодействия и коммуникации людей, задающая этому взаимодействию упорядоченный и конструктивный характер и обеспечивающая эту сферу социальной жизни продуктами специальной деятельности, называемой «символическим производством», в его интеллектуальных, художественных, религиозных, этнографических и иных формах [8]. И если мы апеллируем к коммуникативной сущности и семантико-символическим ресурсам культуры, то целесообразно ограничить и понимание культурной политики как части государственной политики, обеспечивающей функционирование культуры общества. Причем эта политика *концептуально оформлена и обоснована, базируется на определенных ценностно-смысловых основаниях, отвечает определенным целям и имеет приоритеты, соответствующие типу государства*. Оперирование понятием «культурная политика» позволяет институтам власти перевести ценностно-смысловые основания, ядро которых определено в Основном законе страны — Конституции РФ, на уровень реалий и конкретных

управленческих решений. На основе определенных ценностно-смысловых «параметров порядка» [9] разрабатываются инструменты и механизмы культурной политики, посредством которых реализуется комплекс разного рода программ и проектов, имеющих стратегическое значение для социокультурного развития страны (региона, локальной территории и т. д.).

Инструментами культурной политики решаются задачи в двух проблемных областях:

- стимулирование роста культуры населения как сферы сознания, регулирующей конструктивное социальное поведение людей;
- развитие культуры как специальной отрасли деятельности по производству символической продукции, имеющей идеологическую значимость, и охране символической продукции минувших эпох.

Исходя из этого, *цели культурной политики* могут быть определены как:

- обеспечение актуальных социокультурных интересов и запросов общества;
- реализация государственных интересов в социокультурной сфере;
- регулирование социального поведения людей средствами культуры;
- развитие идеологии коллективного существования в социально конструктивном направлении.

Множественные функциональные задачи культурной политики могут быть сгруппированы в три основных блока. Все они отвечают коммуникативной направленности действий акторов культурной политики и прежде всего – государства, обеспечивая целостность социокультурного ландшафта и устойчивость коллективной идентичности, поскольку в область стратегирования включены разноуровневые и разномасштабные срезы современной социокультурной политики. Система коммуникаций призвана удерживать трудно достигаемое концептуальное единство модернизационной стратегии с ее ориентацией на кардинальное обновление культурной среды и укрепление человеческого капитала. «Встраивание» идей модернизации в стратегию культурной политики основывается на принципах социальной справедливости и политической стабильности, сбалансированных с целями рыночной экономики.

Первый блок задач культурной политики направлен на формирование ценностно-смыслового ядра сознания (картины мира) и регуляцию социокультурного поведения людей, придание ему необходимого нормативного характера посредством:

- воспитания и образования (социализация и инкультурация личности);
- социального контроля (мониторинг социокультурных запросов и ожиданий населения);
- социокультурного управления (осуществление культурных экспансий, манифестаций и табуирования).

Второй блок задач связан с культурной деятельностью и включает производство и реализацию продуктов актуального символического творчества, обеспечивающего нормативное осуществление социокультурных порядков сознания и поведения людей в разных формах:

- вербальных художественных, философских и беллетристических;
- невербальных художественных (изобразительных, скульптурных, архитектурных, музыкальных, пластических, игровых);
- религиозных обрядово-ритуальных;
- этнографических обрядово-ритуальных.

Третий блок задач ориентирован на обеспечение кумулятивных и трансляционных функций культуры с учетом ее модернизационных контекстов, то есть связан с охраной и функциональным использованием символических продуктов прошлых эпох, сохраняющих свою идеологическую значимость в указанных целях, в формах:

- материальных (построек и вещей);
- художественных (изобразительных, музыкальных, пластических, игровых);
- вербальных текстовых (книг и рукописей);
- традиционных обрядово-ритуальных.

Таким образом, не только государство, но и общество заинтересовано в поддержании основных направлений управленческой активности как инструмента культурной политики. Она проявляется:

- в осуществлении социального контроля над общественными процессами средствами культуры;
- в диагностике социальных проблем общества на основании его культурных проявлений;
- в научной экспертизе вероятных социокультурных последствий социально значимых проектов и решений;
- в культурной регуляции нормативного социального поведения населения;
- в манифестации культурно поощряемых примеров социального поведения средствами искусства;
- в регулировании практик культурного досуга населения;
- в стимулировании развития гуманитарной эрудиции населения;
- в сохранении объектов историко-культурного наследия (материальных, художественных, письменных), идеологическая историко-патриотическая работа с использованием этих объектов и т. п.

Результатом последовательного и согласованного решения этих задач и стимулирования развития в намеченных направлениях культурной деятельности станет *формирование новой культурной среды с запрограммированными ценностными доминантами и иерархиями*. Поэтому первостепенной задачей стратегической разработки направленности культурной

политики должно стать ясное формулирование желаемых культурно-ценностных композиций в социальных ориентировках населения.

Речь идет о социокультурном измерении происходящих реформ, о важности продвижения России по направлению к доминирующему сейчас в мировом социальном развитии культуроцентризму, в котором основными системообразующими являются идеи гуманистической направленности на развитие общества (а не только государства), сбалансированное между политическими, экономическими и культурными целями.

Можно ли считать ориентацию на культурно-ценностные основания новой формой проявления социального конструирования (детерминизма) или претензией на создание жесткой идеологической конструкции?

Такая постановка вопроса неприемлема в принципе, поскольку сосредоточение внимания на *ценностно-смысловых параметрах порядка в социуме, повышающих значимость культуры в общественном развитии, меняющим отношение к культуре* в целом создает основания для наращивания в стране «культурного капитала», пространство для распространения позитивных социокультурных практик.

В разных моделях культурной политики мы можем обнаружить стратегии решения задач, в том числе и по формированию проектируемой (желательной) культурной среды. Модель культурной политики СССР, имевшая четко сформулированную идеологическую доминанту, стимулировала функционирование определенного ценностного иерархического порядка культурных страт, в рамках которого приоритет отдавался культурным интересам «социальных аутсайдеров», то есть тех слоев населения, которые в силу разных причин были наименее обеспеченными, наименее образованными и т. п. Поэтому развитие их культуры было предметом особой государственной заботы. Следует признать, что в деле преодоления неграмотности и постепенного подъема общего культурного уровня слабо социализированной части населения (прежде всего сельских жителей, интенсивно наполнявших городские пространства) советской культурной политикой были достигнуты огромные успехи. Вместе с тем, культурная жизнь более культурно развитой части населения и в особенности интеллигенции идеологически очень жестко контролировалась, а порой и репрессировалась.

Ярким контрастом советской культурной политики выступала культурная политика этого же периода в странах Западной Европы и Америки. Прежде всего в силу того, что вместо идеологической направленности, ее основным регулятором выступал поначалу стихийный, а затем и «экономически управляемый», рынок культурных услуг. В этих условиях сама государственная культурная политика западных стран ограничивалась стимулированием активности этого рынка, но мало вмешивалась в его содержательное наполнение. Поскольку беднейшая часть населения не могла тратить большие деньги на удовлетворение своих культурных запросов, то основным потребителем культурной продукции на Западе, фактически

финансировавшим культурное развитие, был средний класс. Именно на его вкусы и запросы была ориентирована художественная практика западной культуры по чисто экономическим соображениям. Это дало хороший результат с точки зрения качества культурной продукции и культурной среды в целом. В этой связи показательно, что развитие «высокой» (элитарной) и в особенности массовой культуры, заказчиком которой выступал средний класс, отличалось высоким качеством, признанным в мире как эталонное, а вот развитие традиционной (народной) культуры, к судьбе которой средний класс не имел интереса, в XX в. на Западе фактически не имело места.

Идеология модернизации приводит к переосмыслению роли и функции культурной политики в XXI веке, концентрируя внимание на расширении социального пространства современной культуры, ставя вопрос о создании рынка культурной индустрии, способствующей воспитанию общества, которое является ее покупателем. Но развитие творческих индустрий в России идет не столь быстро, как это было бы желанным на данном этапе модернизации, когда общество мотивировано на инновации. Показатели экономических результатов и предложений к сфере творческих индустрий свидетельствуют о медленных изменениях в мышлении людей, участвующих в организации культурной жизни, что связано с их воспитанием в иных модальностях и координатах действий в социуме, с отсутствием понимания эффективности новых экономических принципов функционирования в ряде отраслей культуры. В определенной мере это все то же следствие философии протекционизма, длительное время определяющей отношение к культуре как убыточной сфере. В настоящее время в условиях существования в сфере культуры учреждений разных форм собственности намечаются некоторые позитивные изменения [10].

При этом, учитывая отечественные традиции, которые предполагают согласование инноваций и национальной специфики, весьма осторожно поддерживается идея создания «рынка» для творческих людей, деятелей культуры и всей культурной отрасли. Это задача, обозначенная М. Маршаллом как перспективная для европейской культурной политики нового тысячелетия в условиях глобализации [11], представляется менее актуальной, чем задача по созданию равенства шансов для производства и потребления культуры, представленной во всем ее многообразии видов и форм. Стратегия развития концептуально расширяет модель культурной политики за счет постановки задачи по стимулированию творческой деятельности, поскольку при таком подходе культура, действительно, становится динамичной, изменяющейся и независимой силой, влияющей на глобализирующийся мир [12].

Следует вместе с тем подчеркнуть, что модернизационные изменения актуализируют вопросы формирования *национальной идентичности*, повышения конкурентоспособности нации через обращение к культурным ценностям и использовании символических ресурсов в «имидже» страны. Центральной остаются стратегии на поддержку разнообразия и самобытности культур,

включающихся в диалог, как основу коммуникативной парадигмы культурной политики разных государств.

Трудно уже соглашаться с характеристикой современной российской культурной жизни и культурной политики в терминах «затянувшегося перехода» от «советской» модели к «западной». Однако «следы прошлого» зачастую проявляются в предлагаемых трактовках идей патронажа над культурными запросами «социальных маргиналов» (например, в тех сферах культурной жизни, которая финансируется и контролируется как государством, так и, как это ни странно, бизнесом на телевидении, когда очевидна ориентация на вкусы наименее культурно развитой части населения). С другой стороны, модернизация затрагивает и сферу культуры, что проявляется в развитие свободного рынка культурной продукции. Однако пока еще нельзя сказать, что производители культурной продукции попали в прямую экономическую зависимость от своего основного потребителя — среднего класса.

Этому препятствуют многие обстоятельства, и в первую очередь масштабный выпуск «пиратской» аудио- и видеопродукции, позволяющий поддерживать демпинговые цены на этом рынке. А из опыта развитых обществ (как западных, так и восточных) хорошо известно, что потребление культурного продукта должно быть *дорогим удовольствием*. Только это сможет обеспечить высокое качество такого продукта. Ускоренному формированию новой рыночной культурной среды препятствуют и политические интересы государственной власти, требующие сохранения патерналистской опеки над социальными аутсайдерами в условиях постоянной «левой» опасности для политического порядка в России. К сожалению, государственная поддержка «дешевой культуры» очень ярко отражается на ее качестве, не только в эстетическом, но и в социальном аспекте, проявляющемся в формах социального поведения людей на улицах, нормативах бытовой лексики и т. п.

На практике формирование новой культурной среды фактически означает смену приоритетов в поддерживаемых направлениях культурной жизни страны; в культурных нормативах, допускаемых в публичной жизни людей, и в формах, относимых исключительно к сфере приватной жизни.

На смену доминирующей поддержке культурных запросов людей, по разным причинам не способных к эффективной конкуренции на рынке труда и избалованных патерналистской практикой государственного покровительства, должна прийти приоритетная поддержка культурных интересов той части населения, которая вполне конкурентоспособна, не нуждается в государственном патронаже и способна к самостоятельному культурному саморазвитию. Разумеется, речь не идет о полном прекращении государственной поддержки «дешевой культуры»; в каких-то разумных пределах она необходима. Но новая культурная среда должна формироваться в первую очередь в системе культурных интересов социально конкурентоспособных людей и эти интересы должны получать организационную и конъюнктурную поддержку государства. Новая культурная среда будет образовываться по мере оттеснения

«дешевой культуры» на периферию культурной жизни общества и по мере превращения среднего класса в основного заказчика культурного продукта, производимого в стране.

Нельзя отказываться и от поддержки сферы «высокой» культуры. Ее специфика в условиях рыночной экономики базируется на трех социальных феноменах:

- во-первых, это статусные группы, сохраняющие относительно устойчивые основания высокой культуры — профессионалы, творцы, которые нуждаются в опеке государства;
- во-вторых, это некоммерческие организации, независимые от действия рыночных сил, также поддерживаемые элитой общества и правительством;
- в-третьих, это система высшего образования, обеспечивающая воспроизводство носителей «высокой» культуры, ее «каноны», воспитывающая в молодежи уважительное отношение к ее ценностям и образцам [13].

Есть еще одна область деятельности, влияющая на качество культурной среды — это научные и экспертные сообщества, критики, одним словом, профессионалы, способные диагностировать ее состояние. Они обращаются к разному инструментарию (в том числе, и к социологическим опросам, которых в силу их большой затратности в России по данной проблематике проводится катастрофически мало), к статистическому анализу, стремясь выявить тенденции и прогнозировать перспективы социокультурного развития.

Не будет лишним и указание на слабость научно-теоретической базы для разработки серьезных концепций культурной политики России. Это связано с явным вытеснением фундаментальных гуманитарных наук на периферию государственных интересов, сокращением объемов финансирования на проведение междисциплинарных комплексных исследований. Тем более, незначителен интерес к проведению культурологического анализа динамики инновационного развития культурной среды, которая дифференцирована по своей региональной специфике. В равной степени ощущается потребность в разработке нового *критериального подхода и методик оценки* эффективности культуры для проведения аналитической работы с локальными практиками [14]. Открытой для культурологических исследований остается тема соотношения механизмов управления и самоорганизации в социокультурной сфере для реализации стратегии национальной культурной политики, ориентированной на преодоление региональных диспропорций, фрагментарности и непоследовательности публичной политики разных акторов в ситуации слабой концептуальной платформы такой политики. Принятие адекватных управленческих решений вне фундаментальных теоретических оснований, игнорирующих экспертные заключения и общественное мнение, в контексте современных демократических процессов затруднено, если вообще возможно.

Как и предполагалось в начале статьи, отвечать на вопрос о том, как же это сделать, предстоит в ближайшее десятилетие, когда путем целенаправленной усилий со стороны и власти, и общества (особенно ученых и экспертов) будут создаваться условия для *устойчивого социокультурного*

развития, соответствующие трем стратегическим векторам современной культурной политики, позволяющей изменить отношение к культуре и рассматривать ее:

- как ценность и национальное богатство;
- как ресурс общественного развития;
- как основу для творческой самореализации человека.

При таком подходе в область стратегирования попадают все срезы современной социокультурной политики, поскольку без достижения концептуального единства модернизационной стратегии в вопросах кардинального обновления культурной среды и укрепления человеческого капитала не будет решена ни проблема социально-экономических диспропорций, ни проблема дифференциации по параметрам качества образования и доступности культурного потребления, ни проблема внедрения научно-технических инноваций. Понимание значимости культурной политики для будущего страны позволит рассматривать модернизацию не как помеху в сохранении духовности и традиций культуры, а как стимул к обновлению и наращиванию культурно-цивилизационного потенциала страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Межуев В. М. Культура в контексте модернизации и глобализации // Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006. С. 363.

[2] Флиер А. Я. Страсти по глобализации // Флиер А. Я. Некультурные функции культуры. – М.: МГУКИ, 2008. С. 180-189; Культурно-цивилизационные грани глобализации // Глобализация : учебник / под общ. ред. В. А. Михайлова, В. С. Буянова. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 165-193, 530-543; Астафьева О. Н. Глобализация как условие социокультурной интеграции: противоречия, пути преодоления // Библиотекосведение. 2007. № 1. С. 17-28; Астафьева О. Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития : материалы междунар. конф. М., 2008. С. 120-138; Астафьева О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории : науч. альманах. 2011. Т. 5. Человек в изменяющемся мире: пределы идентичности. М., 2011. С. 223-241.

[3] Межуев В. М. Указ. соч. С. 366.

[4] Федотова В. Г. Плюсы и минусы «догоняющей модернизации» // Модернизация и национальная культура. М., 1995.

- [5] Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. 352 с.
- [6] Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Социокультурное развитие российских регионов : монография. 2. изд., расшир. и перераб. М., 2004. 424 с.
- [7] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. См. также: Флиер А. Я. Вектор культурной эволюции // Обсерватория культуры. 2011. № 5. С. 4-16.
- [8] Подробнее см.: Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры. М., 2012. Интересна интерпретация понимания культуры В.С.Степиным, см.: Степин В.С. Культура // Вопр. философии. 1999. № 8; Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. 408 с.
- [9] Концепция «параметров порядка в культуре» изложена в ряде работ автора; см., например: Астафьева О. Н. Теория самоорганизации как концептуальное основание культурной политики: проблемы теоретической культурологии // Вопросы культурологии. 2006. № 12. С. 18-27.
- [10] См.: Культурные индустрии: теории и практики в контексте современных социальных трансформаций : материалы круглого стола / О. Н. Астафьева, О. А. Жукова, А. В. Костина, Т. Ф. Кузнецова, А. Я. Флиер и др. // Вопросы культурологии. 2013. № 2-4; Зеленцова Е. В., Мельвиль Е. Х. Развитие творческих индустрий в России: проблемы и перспективы // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. 2011. № 4 (6). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/92.html&j_id=8 (дата обращения 24.03.2013).
- [11] Маршалл М. Тенденции европейской культурной политики // Государственная служба за рубежом. Культура и власть : реф. бюллетень. М., 2000. № 5 (36). С. 14-16.
- [12] Маршалл М. Указ. соч. С.16.
- [13] См.: DiMaggio P. Social Structure, Institutions, and Cultural Goods: The Case of the United States // The Politics of Culture: Policy Perspectives for Individuals, Institutions, and Communities. N. Y., 2000. P. 54.
- [14] См., например: Сменцарев Г. В. К вопросу о возможности измерения эффективности культуры современной России // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. 2012. № 4 (10). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/161.html&j_id=12 (дата обращения 24.03.2013); Флиер А. Я. Аналитико-прогностическое исследование социальной эффективности культурной политики России. Проект институционализации культурологической экспертизы // Философия и культурология в современной экспертной деятельности. СПб., 2011.

© Астафьева О. Н., Флиер А. Я., 2013.

Статья поступила в редакцию 11 марта 2013 г.

Астафьева Ольга Николаевна,

доктор философских наук, профессор,
заведующая Отделом стратегий социокультурной политики
и модернизационных процессов,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: onastafieva@mail.ru

Флиер Андрей Яковлевич,

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Отдела стратегий
социокультурной политики и модернизационных процессов,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: andrey.flier@yandex.ru

UDC 316.422:304.42

Astafieva O.

Flier A.

**SOCIOCULTURAL MODERNISATION:
SHAPING A NEW CULTURAL MILIEU**

Abstract. The authors proposed the conceptual approach to understanding the strategy of cultural policy in the contemporary situation of globalisation and modernising change. The primary attention is paid to the theoretical comprehension of sociocultural processes and to the problem of the temporal adjustment of the modernisation and innovation vector with Russian mentality and rhythms of cultural development. The issues of the need to create a new cultural milieu for the functioning of society as a system and normative provisions for social practices and cultural orders are also raised.

Key words: culture, cultural policy, modernisation, globalisation, sociocultural development, cultural milieu

Astafieva Olga Nikolaevna,

Doctor in Philosophy, Professor,
Head of the Department for Strategies of Sociocultural Policy
and Modernisation Processes,

Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: onastafieva@mail.ru

Flier Andrei Yakovlevich,

Doctor in Philosophy, Professor,
Principal Researcher of the Department
for Strategies of Sociocultural Policy
and Modernisation Processes,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: andrey.flier@yandex.ru